

*Original research paper*Received: 15.03.2022
Accepted: 4.04.2022**РОССИЯ, ЗАПАД И ЭМИГРАЦИЯ В СБОРНИКЕ ЗИНОВИЯ
ЗИНИКА ЭМИГРАЦИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ**

Ludmiła Szewczenko

Людмила Шевченко

ORCID: 0000-0003-3939-2438

*Institut Literaturoznawstwa i Językoznawstwa Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielce,
Polska
ludaliter@mail.ru***Abstract****Russia, the West and Emigration in the Collection of Essays
by Zinovy Zinik *Emigration as a Literary Device***

One of the predominant motifs in Z. Zinik's collection of essays *Emigration as a Literary Device* is the search by the author/narrator of their own self as seen by them from the inside, in the turned over perspective of the Soviet past, and from the outside, in a detached and estranged way, in the context of the emigrant's reality. The purpose of this article is, based on the publications dedicated to Z. Zinik's work, and using the methods aimed at analyzing the poetics of prose texts, to: 1) see how Z. Zinik construes the existence of an emigrant's life; 2) track how Russia and the West are presented in the collection of articles *Emigration as a Literary Device*; 3) analyze how Z. Zinik construes the terms "detachment" and "estrangement", by using in his works the "detachment", "new optics" and "estrangement" as poetic techniques.

The observations lead to a conclusion that the very opposition of the West vs. Russia is presented in the above collection as a comprehension of emigration not as a protest, but as a voluntary detachment from the country of origin. A change of "optics" of seeing and understanding the world in all of his publications is tantamount to the work of poetic techniques described by V. Shklovsky and Berthold Brecht. By using them, Z. Zinik analyzes them along with the concepts of "detachment", "estrangement", and "defamiliarization".

Key words: Zinovy Zinik, *Emigration as a Literary Device*, the West, Russia, detachment, estrangement, defamiliarization as a poetic technique

Ключевые слова: Зиновий Зиник, *Эмиграция как литературный прием*, Запад, Россия, отстранение, новая оптика, отстранение

Автор таких переведенных на европейские языки романов, как *Перемещённое лицо* (1977), *Ниша в Пантеоне* (1979), *Русская служба* (1983), *Руссофобка и фунгофил* (1986), *Лорд и егеря* (1991), *Встреча с оригиналом* (1997) и *Ящик оргона* (2017), Зиновий Зиник (наст. Зиновий Ефимович Глузберг) эмигрировал из Советского Союза в Израиль в 1975 г., а спустя год по приглашению радиостанции Би-Би-Си переселился в Великобританию. Это один из первых писателей, начавший описывать жизнь представителей третьей волны эмиграции из России на Западе. Анализируя его творчество, Михаил Айзенберг отмечал, что З. Зиник покинул Россию не для того, чтобы печататься, ибо публиковали его и на родине, а – чтобы писать: «И писать иначе, совсем по-другому [...]. Можно попытаться понять причину такого решения, а внятной подсказкой послужит название одного из эссе Зиника – „Эмиграция как литературный прием”» [Айзенберг 1997: 205].

Через три десятилетия после отъезда З. Зиник издает сборник написанных им с конца 70-х годов прошлого века и уже в наши дни статей, комментариев, докладов и текстов лекций, озаглавленный по аналогии с названной и представленной в нем публикацией – *Эмиграция как литературный прием* (2011). Цель данной статьи: опираясь на публикации, посвященные творчеству З. Зиника, и используя разные методы для анализа прозаических текстов,

- 1) рассмотреть, как З. Зиник трактует саму экзистенцию эмигрантского бытия;
- 2) проследить, как Россия и Запад представлены в сборнике *Эмиграция как литературный прием*;
- 3) проанализировать, как использует З. Зиник понятия «отстранение» и «отчуждение», прибегая в своих публикациях к «отстранению», «новой оптике» и «остранению» как приемам поэтики.

Одним из сквозных мотивов в сборнике *Эмиграция как литературный прием* является поиск автором / повествователем своего «я» как увиденного им самим изнутри, в «перевернутой» перспективе советского прошлого, так и как бы «извне», отстраненно и остраненно в контексте уже эмигрантской реальности. Во второй из в нем помещенных статей *В погоне за собственной тенью* (2007) З. Зиник пишет: «Мой отъезд из России тридцать лет назад был добровольным. Мне нравилось быть иностранцем вдали от родины (возможно, я эмигрировал как раз для того, чтобы выяснить, каково это – быть иностранцем)» [Зиник 2011: 24]. В беседе с Игорем Померанцевым спустя сорок пять лет после своего отъезда писатель признался, что для него эмиграция была путешествием в страну, о которой он слышал от старших друзей – театрального критика, автора самодельных открыток-коллажей Александра Асаркана, создателя «абстрактной прозы» из монтажа разговоров с друзьями Павла Улитина и поэта Леонида Иоффе еще в Москве. Он сказал: бывает, что «создается сначала миф и мираж, образы каких-то стран, иногда в сновидениях, иногда в каких-то нереальных разговорах [...]». А уехав, потом «вдруг ты попадаешь в этот разговорный сон и просыпаешься, видишь, как все происходит в реальности» [Померанцев 2019]. Под влиянием московских друзей З. Зиник еще на родине пишет «[...] прозу-сте-

нограмму, то есть коллаж разговоров вокруг, которые объединялись каким-то абстрактным мотивом в некоторый цельный текст, как пост с лентой комментов к нему в Фейсбуке» [Зиновий Зиник... 2017]. Как монтаж из переписки с Москвой из Иерусалима он уже в эмиграции сочиняет роман *Перемещенное лицо*, а затем появляются и другие романы, эссе-коллажи интеллектуальных раздумий о Западе и России. Для них характерна попытка осмыслить саму эмиграцию и положение эмигранта в их многовекторном поликультурном и историческом, психологическом и социальном контексте.

В отличие от многих писателей-представителей третьей волны эмиграции, З. Зиник в своей эссеистике не акцентирует негативных явлений, которые видел и видит в России. Их подмечая, о них говоря, З. Зиник их не утрирует, не пускается в критику, не занимается очернительством, а пытается показать, что он понял, прочувствовал в отношении к ним, отделившись от родины. Таким образом, сразу отметим, что тема России и Запада, как и сама оппозиция Запад / Россия, представлены в сборнике З. Зиника в дискурсе осмысления эмиграции не как протестного, а как добровольного отдаления от страны изначального проживания, смены ракурса, «оптики» видения / осмысления мира.

Анна Асланян отмечает, что книга Зиника *Эмиграция как литературный прием* «[...] охватывает широкий круг тем: от иудаизма и истории создания еврейского государства до английских традиций, некогда увиденных им глазами иностранца и ставших с тех пор частью его собственной жизни. Присутствует в повествовании и Россия, где автор провел детство и юность [...]» [Асланян 2021]. Составленный из самостоятельных, разножанровых, но объединенных стилистикой и сквозными мотивами произведений, весь сборник являет собой увлекательный макро-текст и энциклопедию жизни России и Запада двух последних веков с целым рядом отсылок в совсем отдаленное прошлое. В нем весь фактический материал, аллюзивный, цитатный слой отсылают к десяткам как русских, так и иностранных имен¹. При этом акцент на значении и количество упомянутых представителей русской культуры и русских реалий уравновешены с теми, которые атрибутируют Запад. Во всех текстах сборника органично пере-

¹ В сборнике упоминаются: Х. Арндт, А. Ахматова, Юз Алешковский, Г.Х. Андерсен, Л. Аннинский, А. Асаркан, Е. Баратынский, С. Беккет, А. Белый, Э. Берджесс, А. Блок, А. Богданов, Дж. Болдуин, Б. Брехт, И. Бродский, Ф. Бэкон, М. Вольтер, М. Галлант, В. Гауф, А. Гитлер, Н. Гоголь, А. Грибоедов, А. Грипп, И. Гуттенберг, Л. Дарелл, Дж. Джойс, Ф. Дзержинский, Ч. Диккенс, С. Довлатов, Дж. Донн, Ф. Достоевский, В. Жуковский, Л. Иоффе, И. Ильф, И. Кабаков, А. Ким, Д. Киш, В. Комар, А. Конан Дойль, Дж. Конрад, П. Кропоткин, М. Кузмин, С. Кубрик, Т. де Куинси, Р. Левин, В. Ленин, М. Лермонтов, Н. Лесков, Э. Лимонов, М. Ломоносов, К. Льюис, О. Мандельштам, Г. Матевосян, В. Маяковский, А. Меламид, Г. Миллер, Ч. Милош, С. Моэм, В. Набоков, В. Набокова, Ф. Ницше, Овидий, Дж. Оруэлл, И. Папанин, В. Паперный, Б. Пастернак, Е. Петров, А. Пушкин, П. Пэра, М. Розанова, Ж.-Ж. Руссо, С. Рушди, маркиз де Сад, А. Синявский, Сократ, А. Солженицын, И. Сталин, Абрам Терц, Т. Толстая, Э. Троллоп, И. Тургенев, О. Уайльд, П. Улитин, Д. Уолкот, Х. Уолпол, З. Фрейд, О. Хаксли, Д. Хармс, М. Хайдеггер, Б. Хауард, В. Ходасевич, Дж. Хопкинс, А. Чехов, В. Шаламов, А. Шамиссо, Е. Шварц, В. Шекспир, Ф. Шиллер, В. Шкловский, Т. Элиот, Г. Ягода и др.

плетаются точные зарисовки и авторские размышления, личные воспоминания, этнографический, культурологический и искусствоведческий материал, постулаты историко-литературных концепций и философские рассуждения, социологические и психоаналитические наблюдения разного уровня. Им соответствует чередование тех конкретных приемов объективированного повествования и субъективированных способов представления материала, которые З. Зиник использует, разнообразя весь стиль изложения исповедальными интонациями и лирическими отступлениями, им подмеченными парадоксами и иронией.

Еще до появления сборника, рассуждая об эссеистике З. Зиника, М. Айзенберг подчеркивал, что она «не эссеична», ибо в ней сквозит постоянный «герой – герой-сюжет». По словам исследователя, это «[...] какая-то особая проза: проза-выяснение, проза-самоопределение» [Айзенберг 1997: 205]: В ней:

[...] тугим узлом сплетается прошлое с настоящим, и от любых резких усилий этот узел только туже. Так одна за другой становятся различимы характеристики сквозного персонажа зиниковой прозы, одержимого прошлым как болезнью, облученного черным солнцем Исхода, почти потерявшего себя в великом смятении [Айзенберг 1997: 205].

Герой З. Зиника – это добровольно уехавший из СССР на волне еврейской эмиграции интеллигент. В представленных в сборнике публикациях писатель показывает, что эмиграция *дистанцирует / отстраняет* уехавшего от родины. В прочитанном в 1978 г. в Оксфордском университете докладе *Культура между строк* он утверждает, что «[...] эмиграция – это не только отбытие с родины и разлука с близкими, но и встреча с самим собой и больше ни с кем» [Зиник 2011: 66]. Она всегда проясняет уехавшему саму его суть, В этом, как добавляет впоследствии З. Зиник в статье *Возвращение в Дублин* (1996), – «литературный соблазн» эмиграции как «одной из крайних форм самоотчуждения» [Зиник 2011: 128].

С течением времени представление З. Зиника об эмиграции расширяется, а понимание плюсов и минусов расставания с родиной обретает особую глубину. Так через одиннадцать лет после отъезда из СССР, читая в Лондонском университете лекцию *Готический роман ужасов эмиграции* (1986 г.), З. Зиник рассуждает о том, что вдали от России её образ и образ уехавшего в восприятии его самого как бы мумифицируются: «Тамошнее время для эмигранта – это застывший кошмар, повторяющийся, как заезженная пластинка, переживаемый, как сновидение. Это время консервируется за железным занавесом как в жестяной банке» [Зиник 2011: 52]. Подобное переживают герои романов писателя. Не случайно, анализируя раннее творчество З. Зиника, Алиция Володзько отмечала: «[...] pisarz tkwi ciągle w kręgu relacji Zachód – Rosja, nie potrafi czy też nie chce się z niego wyrwać. Bogaterowie Zinika, bezradni i wręcz śmieszni w parciu, by przystosować się do życia w nowym świecie, nie mogą zapomnieć o Rosji», и её цитировал в своем известном *Путеводителе по современной русской литературе и ее окрестностях* (1917–1996) Тадэуш Климович [Klimowicz 1996: 744].

Рассматривая один из первых романов З. Зиника, Катажина Дуда также подчеркивала:

Zinik, podobnie jak inni rosyjscy pisarze emigracyjni (Siergiej Dowłatow, Władimir Maksimow, Aleksander Sołżenicyn), akcentuje fakt, iż samo opuszczenie państwa totalitarnego nie jest gwarantem wolności wewnętrznej. Emigracji z ZSRR, z której nie można było powrócić aż do czasów Gorbaczowowskiej pierestrojki, towarzyszyć musiała więc konieczność przystosowania się do otoczenia kraju przyjmującego, ale bez zagubienia własnej tożsamości, związanej z różnorodnymi nawykami, obyczajami, mechanizmami zachowań itp., wyływającymi z rodzimej tradycji [Duda 2019: 378].

Даже в середине 90-х годов, когда «в новой России, отрешившись от своего советского прошлого [...]» [Зиник 2011: 86], начинают происходить кардинальные изменения, З. Зиник еще продолжает писать о покинутой родине, как бы «привязывая» ее к прошлым годам. Не случайно Вольфганг Казак в своем *Лексиконе...* и в это десятилетие отмечает: «Z. szczególnie i jaskrawo opisuje życie Moskwy początku lat 70. Akcja w jego utworach spychana jest zazwyczaj na plan drugi, a na czoło wysuwa się świat wewnętrzny postaci» [Kasack 1996: 730].

В лекции *Готический роман ужасов эмиграции* З. Зиник показывает, что поначалу для выехавших из России так называемый эмигрантский мир –

[...] чужд памяти о прошлом и, следовательно, враждебен эмигрантскому сознанию. Этот мир заставляет эмигранта рядиться в новые одежды. Отсюда – обостренное отношение эмигранта к материальным, предметным манифестациям новой жизни: будь то идолопоклонничество перед вещами – своеобразный материалистический идеализм (то есть поиск постоянных материальных подтверждений собственного идеализма – отъезда на Запад, на свободу) или же, наоборот, крайний аскетизм, отказ от всякого материального благополучия [Зиник 2011: 34].

Вывезенные с родины вещи как материальные символы прошлого многими бережно сохраняются, и в качестве примера З. Зиник упоминает «[...] знакомую комнату эмигранта-приятеля – заставленную, как мемориал, советскими книжками со знакомыми корешками» [Зиник 2011: 50]. Писатель и сам признается:

Я помню, как многозначительно воспринимались мной мои советские брюки, пиджак, рубашка, туфли, в которых я появился на Западе, «на том свете» – с советской точки зрения. Я помню, что и когда было выброшено на помойку из прежней советской одежды. Эта одежда – одно из свидетельств того, что я был там, что был тем-то и тем-то, одежда подтверждала мою личность [Зиник 2011: 35].

Анализируя этот феномен, З. Зиник пишет, что «это – ностальгический фетишизм человека, существующего в нише пантеона собственной памяти» [Зиник 2011: 35]. В логике понятий он доказывает, что «эмиграция есть уэллсовская „машина времени“» [Зиник 2011: 51]: в сознании эмигранта, сколько бы времени ни прошло, образ России атрибутирован теми реалиями, о которых он знал до отъезда, подсвечен эмоциями, относящимися не к теперешней, а к покинутой родине. Он отмечает, что у спорящих между собой представителей разных волн

эмиграции из России сама «география» вспоминаемой родины никогда не могла совпасть ни по контурам, ни по топике: «В случае белоэмигрантов речь шла о буквальном географии крупноместного прошлого, разграбленного большевиками; в грохоте прибойа „третьей волны“ разговор идет о некоей, вне советских государственных границ, потаенной России, существующей подспудно, под советским режимом» [Зиник 2011: 50]. Погружая читателя в споры уехавших из России о родине, З. Зиник пишет:

Вот уже четвертый десяток лет главный раскол и главный разговор эмиграции завязан на пресловутой дилемме: советское настоящее России – результат порабощения невинного русского народа марсианским диалектическим тренажером Маркса-Ленина-Сталина в ходе большевистского нашествия или же это логическое завершение всей дореволюционной истории российского рабства и тирании? В то время как «под-советская» интеллигенция продолжает ломать голову над дилеммой Востока и Запада, создавая фиктивную версию советского происхождения, эмигрантская «вне-советская» интеллигенция пытается выцарапать из советских лап свой фиктивный вариант Родины [Зиник 2011: 50–51].

Писатель уверен, что для не нашедшего себе достойного места в другой стране эмигранта «такая фиктивная Родина насущно необходима, потому что без нее „некуда возвращаться“», а такой эмигрант

[...] всегда мыслит «возвращением домой». Этот дом, Родина, Россия не должны иметь ничего общего с советской властью, с советским образом жизни, с советским языком: потому что именно эту «советскую Россию» эмигрант и проклял, отрекся от нее и от нее бежал. Россия, в которую он намеревается вернуться, лишена поэтому настоящего (автоматически советского), и, следовательно, Россия эта – утопическая, Россия будущего. Но образ этой России, ее язык и население, не имея ничего общего с советской историей, ищутся поэтому в до-революционном прошлом [...] [Зиник 2011: 51].

В написанном в годы, когда эмиграция значила «невозврат» для уехавших, а общение из-за «железного занавеса» прекращалось, З. Зиник показывает, что для отличающегося коллективизмом и тягой к максимализму и импульсивности россиянина «[...] эмиграция есть та самая „пороговая ситуация“, о которой твердили экзистенциалисты» [Зиник 2011: 58]. Даже в 1996 г. в статье *Возвращение в Дублин* писатель с горечью признается, что эмиграция по своей сути:

это сгусток отрицательных эмоций: отрицание собственного прошлого (родины) и неспособность окончательно принять избранное тобой самим настоящее (заграницу); зависть к призраку самого себя, которым ты мог бы стать, если бы остался, и к тому, кем ты никогда не станешь в своей новой жизни; обида на тех, кто этой глубинной невоплощенности не понимает, и раздражение на тех, кто осознает в тебе эту неполноценность слишком хорошо, видит тебя насквозь [Зиник 2011: 128].

Немало статей З. Зиника посвящено также внутренней эмиграции – отстранению, отчуждению и отчужденности тех, кто по разным причинам (нетрадиционная сексуальная ориентация, сложные отношения с титульной нацией, антисемитизм или разница в политических взглядах и этико-эстетических представлениях, вероисповедании) был вынужден и на родине (в Англии или России) жить «отстраненно» (Оскар Уайльд, Энтони Бёрджес, Крис Юбэнк, московские друзья З. Зиника и сам писатель). В статье 2007 г. *В погоне за собственной тенью* З. Зиник, изображая Россию и рассуждая о внутренней эмиграции, под последней имеет в виду *отстранение и уход* от постылого бытия в бывшем СССР в свой условный и ограниченный кругом друзей «*другой мир*». Прозаик пишет о «менторе и гуру своей юности» А. Асаркане и его приятелях, которые «в 60-е годы оказались в своем собственном деклассированном обществе – в старом и запущенном кафе „Артистическое“», куда «захаживала пестрая толпа актеров и интеллигентов-неудачников, всех тех, кому было наплевать на собственный общественный статус» [Зиник 2011: 26]. З. Зиник замечает:

В попытке отстраниться от советского образа жизни люди в кругу Асаркана склонны были к эксцентричной манере общения и парадоксальному образу мышления, которые казались загадочными и чужаковатыми для посторонних. Хотя никто из них никогда не бывал за границей, многие свободно владели иностранными языками (Асаркан знал итальянский). Это была миниатюрная Европа в тюремных стенах советской столицы. Возможно, именно в поисках этой псевдо-Европы моих духовных наставников я и эмигрировал из России десятилетие спустя [Зиник 2011: 26].

Уже в эмиграции З. Зиник продолжал вести с этими «людьми своего прежнего круга» внутреннюю и эпистолярную полемику, цитировал их, пропагандировал, опровергал, а саму суть их «разговорных застолий» затем воплотил в прозе.

В наиболее поздних публикациях писатель трактует понятие эмиграции более чем широко. Цитируя высказывание Рахель Левин о том, что «человек может быть самим собой только за границей; дома он обязан отвечать за свое прошлое, которое становится для него маской – тяжеловесной и скрывающей его лицо» [Зиник 2011: 31], З. Зиник пишет о сопутствующем эмиграции благотворном чувстве освобождения от всего наносного, при этом сама эмиграция им осмысливается как ситуация отторжения, *отстранения* и *отчуждения* от нежелательного, неприемлемого, и того, что себя изжило. Размышляя над механизмами этого отчуждения, писатель рассказывает, как в детстве, не желая знать «страшные вещи про маму и папу», он, чтоб не слышать слов родственников, у которых был вынужден ночевать, «затыкал уши, зарывался с головой в подушку» [Зиник 2011: 109]. Он считает, что это была его «[...] первая эмиграция», и между её появлением и механизмами возникновения состояния отчужденности существует определенная параллель. Развивая логически эту мысль, З. Зиник в статье *Драгомань нашего времени* (2001 г.) замечает:

Зигмунд Фрейд указал нам на материнскую утробу как отправную точку на пути в эмиграцию под названием жизнь. Карл Маркс говорил с тем же пафосом об отчуждении средств производства от рабочей силы. Для христианина эмиграция начинается с падения Адама и изгнания из Рая. Для буддиста – с попыткой души отделиться от тела. Для тех из нас, кто не верит ни в душу, ни в райские кущи, эмиграция – это попытка всякого человека взглянуть на себя со стороны, прием остранения, согласно Виктору Шкловскому. В этом смысле всякая человеческая судьба – это перманентная эмиграция – из этого мира в мир иной, из прошлого в настоящее [...] [Зиник 2011: 146].

Еще до появления анализируемого сборника З. Зиник в интервью Майе Пешковой признался, что термины *эмиграция*, *отстранение* и *остранение* он многократно использовал, чтобы подчеркнуть мысль, которую высказал в раннем эссе *Эмиграция как литературный прием*. Проясняя свое отношение к ним, он подчеркнул:

Жан Жак Руссо сказал, что бы написать книгу о собственной стране, нужно, прежде всего, из неё уехать. Что я и сделал в 1975 году. Дело в том, что кроме приёма отстранения, этот мотив я довольно долго эксплуатировал. Потому, что я начал с того, что писал очень много, практически по несколько писем каждый день своим друзьям о той жизни, которую я застал здесь. Это название имен, предметов, которые не существовали в российской цивилизации. И, таким образом, открывался целый слой реальности, который до этого не существовал в русской литературе. И поэтому я автоматически назвал ее эмигрантской. Это литература, которая существует между двух миров, где или автор или его герой одновременно находится и в России, и в Москве, где я родился, и в Лондоне, который стал моей второй родиной, потому, что я британский гражданин и свое российское гражданство я потерял в 1975 году, у меня его отобрали, заменив на выездную визу

И вот эта дуальность, я назвал ее эмигрантской. Твое прошлое российское, поскольку я не верил, что я смогу вернуться в Москву, оно воспринималось, как роман. И в этом смысле это было в чистом виде эмиграция, как литературный прием. Но кроме Шкловского, который предлагает нам отстраниться от знакомых предметов, чтобы их увидеть заново, есть ещё Ломоносов, который говорил, что литература есть сближение далековатостей. [...] Найти какие-то сближения – это такая же задача писателя, как и отстраниться от чего-то знакомого. И в этом смысле я не эмигрант. Я британский гражданин, я лондонец, который полжизни прожил в этом городе, который родился в Москве и полжизни прожил в Москве [Пешкова 2008].

Уже в наши дни З. Зиник о своей собственной эмиграции скажет:

[...] мой круг друзей и я сам склонны были воспринимать мой отъезд как расширение географических границ общения [...] Те, кто стал работать на русскую литературу в Европе в те годы, осознавали себя в разные периоды то в *изгнании*, то в *послании*. Я и московские друзья решили, что я – в *познании* [С надеждой... 2019].

Познанию З. Зиника действительно благоприятствовали *дистанцирование* от родины и *способность* после отъезда *увидеть по-новому* и Россию, и Запад,

т.е., то отстранение / отчуждение, произошедшее, правда, в реальности, о котором писал независимо от В. Шкловского Бертольд Брехт, развивая мысль о рефлексии в новом театре для выделения сути явлений. Механизм *закрепления в слове и образе* этой способности, дистанцируясь, видеть по-новому у писателя адекватен работе приема, который он вспоминает не раз в своих текстах – у В. Шкловского он называется *отстранением*. Его цель – «разрушить сам горизонт ожидания» [*Отстранение...* 2021] реципиента, лишить его «автоматизма восприятия» [Шкловский 1983: 15] всего, что представлено в произведении.

В сборнике *Эмиграция как литературный прием* З. Зиник демонстрирует разные **типы и принципы отстранения**² при показе России и Запада, однако всегда в их основе позиция отстраненного наблюдателя, взгляд как бы «со стороны» даже если с течением времени «сторона» и «направленность взгляда» меняются. В статье 2007 г. *В погоне за собственной тенью* он отмечает:

Приехав в Британию, я в первые годы замечал лишь те аспекты новой реальности, которые освещались и отражались в моем российском прошлом. Теперь все происходит наоборот – мое внимание привлекают главным образом те стороны российской действительности, в которых можно усмотреть отражение – или тень – моего британского опыта [Зиник 2011: 32].

В интервью И. Померанцеву З. Зиник подчеркивает:

У меня другого дома нет, кроме как в Лондоне. И Лондон я ощущаю в каком-то смысле своим домом. С другой стороны, я все-таки не забываю о том, какого я происхождения. [...] я не забываю о том, что я все-таки вырос в Москве, поэтому жизнь здесь – все-таки за граница, но за граница очень специфическая. [...] Первые годы я писал о Лондоне, у меня есть много книжек о Лондоне, [...] какие-то ранние вещи, они написаны с московской точки зрения. [...] Сейчас я все пишу, даже о России я пишу с лондонской точки зрения, что неизбежно, потому что я здесь живу 45 лет [Померанцев 2019].

² В данном случае речь идет об *отстранении* как об *отстраненной позиции восприятия*, «объективке». И.Е. Карпенко в статье *Отстранение и отстранение как приемы художественной литературы вообще и орнаментальной прозы в частности* («Октябрь» 2014, № 10) пишет, что в психологии фигурирует такой термин, как «*отстранение* – „выделение того или иного предмета или явления из привычного контекста” („Психологич. словарь”». Также в психологии существует понятие *позиции восприятия*; обычно выделяют пять таких позиций: 1) *мои интересы*; 2) *интересы партнера*; 3) „*объективка*” (отстраненная позиция); 4) *системный взгляд*; 5) *позиция Ангела*. Кроме того, психологи предлагают некий „нулевой километр”, точку отсчета – особую *позицию ведомого*: „стою на месте, жду распоряжений” („Вижу, что должен; чувствую, как принято; хочу то, что положено”). В этом смысле *отстранение* (фр. *éloignement*), – как отмечает в своей статье Илья Карпенко, – необходимое условие художественного творчества вообще. Это как бы первый шаг к творчеству, „подступы” к нему и его необходимое условие – взгляд со стороны, прелюдия к акту созидания» [Карпенко 2014]. Причем у З. Зиника он обусловлен *дистанцированием* как от пережитого им на родине, так и от того, что им познано в эмиграции.

Прожив много лет за границей, З. Зиник расстается с имевшимися у него представлениями об идеальном Западе «[...] в переплете набоковского экз-секс-отического романа» [Зиник 2011: 161], а после распада СССР – с категорическими оценками в отношении родины. Появляются воспоминания о России, в которых находим лирические интонации. Так в эссе 2000 г. *На автобусной остановке* он, вспоминая московскую коммуналку и жизнь в ней с родителями, с теплотой пишет об отце-коммунисте, о матери, тетке и бабушке, не стесняясь при этом сказать, что «[...] в детстве любил „дедушку” Сталина и „дедушку” Ленина не меньше, чем своих родных», и что для него «ностальгический» «[...] праздник – это на Первое мая или Седьмое ноября, с салатом „оливье” на столе и парадом на Красной площади» [Зиник 2011: 109].

Само отстранение З. Зиник использует, развивая платоновско-шопенгауэровское отношение к представлению жизни и ставя за цель обнажение сути явлений. Ни в одном из опубликованных в сборнике материалов упоминания о реалиях местного быта, истории или культуре, природе России и Англии или Ирландии не являются самоцелью, подчинены рассуждениям автора над философской и социально-психологической проблематикой. Изображение всего отстраняет «позиция наблюдения», о которой, как правило, сообщает повествователь. Ее корректирует также присущая идиостилю писателя рациональная, интеллектуальная призма видения.

Отстранение от относящегося и к России, и к Западу акцентируется в текстах З. Зиника декларированием дистанцирования от обоих:

- 1) географическим расстоянием;
- 2) временем (прошлое / настоящее, до отъезда / приезда и ныне);
- 3) культурно-ментальными, национальными детерминантами (русский, ирландец и англичанин на родине и в эмиграции; еврей в России и в Англии);
- 4) позицией, занимаемой повествователем, находящимся дома, на родине как в «ментально» своей стране, или дома, но в ситуации внутренней эмиграции;
- 5) позой и положением / размещением повествователя, их влиянием на направленность взгляда и ракурс, в котором увиденное представляется в тексте.

Помимо своей отстраненной позиции в восприятии родины, З. Зиник в повествовании представляет ее восприятие Энтони Бёрджесом, с его мыслью в романе *Мед для медведей* (*Honey for the Bears*) о том, что Россия есть «подсознание Запада» [Зиник 2011: 132, 131–137]. Ее дополняет взгляд на Россию Джозефа Конрада, воплощенный им в книге *Глазами Запада* [Зиник 2011: 139–141], а также В. Набокова и героев его *Дара* [Зиник 2011: 160]. Свой «пункт» отстраненного наблюдения над Европой и Западом З. Зиник дополняет тем, как увидел Объединенное Королевство Владимир Печерин (1807–1885) – предтеча «всех лишних людей» в русской классике [Зиник 2011: 113], а также упоминанием о восприятии Англии подковавшим блоху у Н. Лескова Левшой [Зиник

2011: 136]. Свою «точку зрения» на Америку, Францию и Запад в целом доносят в опубликованных в сборнике материалах Сергей Довлатов [Зиник 2011: 240], В. Набоков [Зиник 2011: 160] и др. И это все создает уже как бы двойной эффект отстранения.

В своих рассуждениях о России и Западе З. Зиник всегда обращается к интеллекту читателя, к его культурному багажу. В его лекциях, текстах докладов, эссе описательность побеждается знаками русской и европейской культуры, к которым намеками отсылает условный повествователь. К примеру, в эссе 2000-го года *Отвергнутые не возвращаются*, где осмысляются отношения автор / издатель, уже второй абзац З. Зиник начинает с отсылок к четырем прецедентным текстам русской культуры – дополненным вводными словами строкам из *Гимна демократической молодежи* Льва Ошанина и реплике Воланда из романа Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита*, картине Михаила Клодта *Гоголь сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ»* и к самому Николаю Гоголю с его уже упомянутым романом. Он пишет: «Песню, само собой, не задушишь, не убьешь. Рукописи, конечно, не горят. Особенно рукописи толстых романов: достаточно вспомнить, как активно орудует кочергой Гоголь с известного портрета, что есть силы перемешивая кипу „Мертвых душ”» [Зиник 2011: 149]. Далее по ходу рассуждений параллельно с такими текстами западной литературы, как *Улисс*, *Любовник леди Чаттерлей* и *Заводной апельсин* упоминается набоковская *Лолита*. На следующей странице рядом с именами Джонатана Свифта, Пии Пэра, Андре Жида, Дж. Конрада, Джона Голсуорси, Генри Джеймса и Герберта Уэллса встречаем перефраз призыва «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» из Манифеста футуристов 1912 г. [Жолковский 2021]. Однако теперь он относится к автору-эмигранту, который «[...] хочет, чтобы его взяли на пароход современности, но при этом не желает вылезать из своей двухвесельной шлюпки, требует свободного пропуска в вавилонскую башню мировой литературы, не желая вылезать из личной башни слоновой кости» [Зиник 2011: 150]. Последняя же, ассоциируемая с русской культурой серебряного века, под ироническим взглядом З. Зиника затем превращается в «башню из мамонтовой кости» [Зиник 2011: 155]. Рассказ о публикации романа Дж. Конрада *Глазами Запада* – «[...] об идейной пропасти между Россией и Западом» [Зиник 2011: 151] переплетается с рассказом о первом издании *Лолиты*, с упоминанием о переводе П. Пэра *Евгения Онегина* на итальянский и о написанном ею же ироническом «продолжении» книги Набокова – *Дневнике Ло*, конфликте славистики с Набоковым-младшим, а сам повествовательный дискурс наряду с именами Сэмюэла Беккета, Генри Миллера, Уильяма Берроуза, Лоренса Даррела, Иоганна Гутенберга и Адольфа Гитлера насыщается упоминаниями о таких знаковых персонажах советской эпохи, как Иосиф Сталин, лимитчик и вот-вот готовый потребовать документы милиционер. В перемешку с фамилиями писателей и издателей даются такие прецедентные имена, как Лолита, Гумберт Гумберт и др. Когда же в конце эссе З. Зиник пишет о своей эмоциональной реакции на непонимание редакторами «Нью-Йоркера» ни того, почему в его

произведении у героя-татарина каретка русской пишущей машинки ездит «не в ту, а в другую сторону», ни юмористического подтекста последнего выражения во время пика отъездов «в ту сторону» – т.е., на Запад, ему приходит на ум завершить все написанное остроумно модифицированной цитатой из *Горя от ума* Александра Грибоедова «Каретку мне, каретку» [Зиник 2011: 159]. Причем подобное насыщение повествования знаками времени, как и знаками разных культур, характерно для всех публикаций писателя.

Используя разные типы и принципы отстранения, чтобы представить читателю новое видение и России, и Запада, и эмиграции как таковой, З. Зиник с целью его закрепления в слове употребляет также различные *способы отстранения и приемы, которые разрушают «автоматизм восприятия»*. Среди них – неожиданные параллели, сравнения, совмещения смысловых рядов, фрагментация и монтажные принципы построения текста; нагнетание и градация однотипных, но отсылающих к разным культурным явлениям определений, сравнений, имеющих часто своей целью смех или тот же «аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [Кант 1994]. В опубликованных текстах нередко встречаются: «рациональная призма» видения / изображения поэтического; прием «отстранения-узнавания» и различные деформации; приемы комического, обращение к парадоксам, включение в текст единиц «чужеземного» языка; игра словом, ирония, объединение низкого, бытового с высоким; гротеск и пародия, метонимия и синекдоха, слова-маркеры странности, проч. Так весьма значимыми и, конечно же, разрушающими автоматизм восприятия являются приводимые З. Зиником параллели между опубликованным в 1817 г. романом Мэри Шелли о франкенштейновском Монстре и заявившим о себе в его столетний юбилей «новым советским человеком»; между эвакуацией в дни войны за Урал и хранившейся там «в подземелье, обложенной глыбами льда» мумией Ленина и бегством «через Татарию, Сибирь и [...] Архангельск» [Зиник 2011: 60] во льды Арктики уже упомянутого литературного персонажа; между легендами о Франкенштейне и бытовавшими в СССР мифами о папанинцах, их развенчанием³. Автоматизм восприятия нарушают у З. Зиника также приемы комического, игра словом, объединение низкого и высокого в преломленных сквозь «рациональную призму» повествованиях о таких ритуалах, сопровождающих русское пьянство, как «Вот пришел тигр!» (с прятанием собутыльников под столом) или *Путешествие из Петербурга в Москву* (когда бутылки и рюмки раскладываются на карте маршрута, участники на каждой станции звонят в колокольчик и «сходят с поезда», чтобы выпить рюмочку в «станционном буфете», а потом завершают свой путь по маршруту, описанному А. Радищевым, но в состоянии, характерном уже для героя поэмы Вен. Ерофеева *Москва – Пе-*

³ Любопытно, что эти, использованные З. Зиником параллели уже в наши дни легли в основание утверждения неких экспертов по аномалиям, что Ленин и есть Франкенштейн, «он, как и герой якобы выдуманного сюжета, неприкаянно блудит по миру», а «Тарас Шевченко, Поль Верлен, Владимир Ленин и Леонардо Ди Каприо – один дух в 4 телах», о чем свидетельствует их внешняя схожесть [Ленин – Франкенштейн... 2019].

тушки) [Зиник 2011: 206–211]. Они параллельны представленным в сборнике

описаниям потребления алкоголя и поведения местных жителей в пабах Великобритании и Ирландии [Зиник 2011: 190–197], хотя тематический и проблемный ряд в этих текстах, как правило, сфокусирован на другом.

Остранению образов Запада и России у З. Зиника могут служить и воспринимаемые как реальный курьез представления цветовой гаммы табличек на лондонских зданиях: «[...] если тут жил гей, вешают розовую табличку, если аристократ Викторианской эпохи – голубую. Голубая кровь» [Зиник 2011: 180]. До абсурда же изображение национальных особенностей обращения к атрибутивности разных цветов он доводит при помощи нагнетания однотипных, но разных по сути явлений, а также игры слов и игры в «не-контекстный», неправильный перевод. В диалоге с З. Зиником Мейвис Галлант замечает: «[...] в Америке все наоборот: красный – цвет консерваторов, голубой – либералов. Когда по телевизору показывают карту с результатами выборов, надо все время быть начеку, чтобы не запутаться: голубые штаты – те, что голосовали за демократов, красные – за Буша», на что следует его реплика: «В России голубыми называют геев. А если вспомнить, что символом республиканцев является слон... [...] получается, что людям консервативного склада мерещатся розовые слоны». А уже на эти слова М. Галлант «припечатывает»: «„Розовый слон” – это выражение по-английски означает галлюцинацию во время тяжелого похмелья». Однако же в целом и в этой статье (*Телефонный разговор с Мейвис Галлант, 2008*) речь идет совсем о другом.

Остраненную точку зрения повествователя и прием «остранения-узнавания» З. Зиник использует, когда выражает мнение человека, принадлежащего к иной социальной и национальной среде, в описании разных конкретных явлений, реалий среды, повседневного быта России и Запада (единицы измерения и денежные единицы, левостороннее и правостороннее движение, названия улиц и описания интерьеров, традиции восприятия, поведения и ведения диалогов, жестика, мимика, окулесика, гастика европейцев и россиян). Причем все они вводятся, как и выше уже упомянутые особые «знаки культуры», для замедления восприятия главного мессиджа, заключенного в публикации, для разрушения автоматизма его восприятия и акцентации нового видения / осмысления / понимания родины и уже новой страны обитания, для осмысления комплекса разных проблем, в том числе осмысления автором своего измененного в эмиграции «я».

Как видим, Россия и Запад во всех публикациях в сборнике З. Зиника представляются в дискурсе осмысления эмиграции как добровольного отдаления от страны изначального проживания, смены ракурса, «оптики» видения / осмысления мира, которая адекватна приемам, теоретически разработанным В. Шкловским и Б. Брехтом. К ним З. Зиник сам прибегает на практике в написании своих текстов, и их же анализирует в своих текстах, рассматривая параллельно с понятиями *очуждение* и *отчуждение*.

Библиография

- Айзенберг М., 1997, *Взгляд на свободного художника*, Москва, <http://www.vavilon.ru/texts/aizenberg/aizenberg6-13.html> (1.04.2021).
- Асланян А., 2021, *Интервью с З. Зиником для радио «Свобода»*, <http://www.svoboda.org/content/article/2344073.html> (21.04.2021).
- Жолковский А., 2021, *Сбросить или бросить?*, <https://www.youtube.com/watch?v=0Pfm1kak5nw> (21.04.2021).
- Зиник З., 2011, *Эмиграция как литературный прием*, Москва.
- Зиновий Зиник – «Гефтер»: интервью. *Чересполосица слов и чувств? Дискуссия редакции Gefter.ru с писателем Зиновием Зиником о его новой книге «Ящик Оргона»*, 2017, Gefter.ru, 10.05.2017, <http://gefter.ru/archive/22123> (3.05.2021).
- Кант И., 1994, *Критика способности суждения*, пер. М.И. Левиной, [в:] И. Кант, *Собрание сочинений: в 8 томах*, т. 5, Москва. Цитируем по: Е. Сошкин, *Приемы остранения: опыт унификации*, НЛЮ 2012, № 2, <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/priemu-ostreneniya-opyt-unifikaczii.html> (12.03.2021).
- Карпенко И.Е., 2014, *Остраннение и отстранение как приёмы художественной литературы вообще и орнаментальной прозы в частности*, «Октябрь», № 10, [в:] *Культура и образование*, <http://vestnik-rzi.ru/2014/10/2479> (29.03.2021).
- Ленин – Франкенштейн: *Пришельцы подменили Вождя и создали «блуждающий дух»*, [в:] *Новый «взгляд» на время*, ВладТайм новости, Vladtime.ru новости, 19.09.2019, <https://vladtime.ru/nauka/sverhestestvennoe/732615> (15.06.2021).
- Остранение*, http://dic.academic.ru/dis.nsf/enc_literature/3525/%D0%9E%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B5 (17.04.2021).
- Пешкова М., 2008, *Транскрипт передачи «Далекие-близкие лондонцы»: радио «Эхо Москвы» Интервью с Зиновием Зиником*, 18.05.2008, http://www.litkarta.ru/dossier/zinik-peshkova-interview/dossier_1699/ (11.05.2021).
- Померанцев И., 2019, «...Потому что я – врун». *Поверх барьеров с Игорем Померанцевым*, Интервью, 20.12.2019, <https://www.svoboda.org/a/30334293.html> (1.04.2021).
- С надеждой на встречу. Год назад умерла Елена Шумилова. Вспоминает Зиновий Зиник*, 2019, COLTA, 1.10.2019, <https://www.colta.ru/articles/literature/22550-god-nazad-umerla-elena-shumilova-vspominaet-zinoviy-zinik> (11.05.2021).
- Шкловский В., 1983, *Искусство как прием*, [в:] В. Шкловский, *О теории прозы*, Москва.
- Duda A., 2019, *Przestrzeń fizyczna i bariery mentalne w doświadczeniu emigrantów rosyjskich (Grzybowstąpienie Zinowia Zinika)*, „Politeja”, nr 1 (58), s. 378, <https://doi.org/10.12797/Politeja.16.2019.58.20> (1.04.2021).
- Kasack W., 1996, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku od początku stulecia do roku 1996*, Wrocław.
- Klimowicz T., 1996, *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1996)*, Wrocław.

Transliteration

- Ajzenberg M., 1997, *Vzglâd na svobodnogo hudožnika*, Moskva, <http://www.vavilon.ru/texts/aizenberg/aizenberg6-13.html> (1.04.2021).
- Aslanân A., 2021, *Interv'û s Z. Zinikom dlâ radio «Svoboda»*, <http://www.svoboda.org/content/article/2344073.html> (21.04.2021).
- Žolkovskij A., 2021, *Sbrosit' ili brosit'?*, <https://www.youtube.com/watch?v=0Pfm1kak5nw> (21.04.2021).
- Zinik Z., 2011, *Èmigraciâ kak literaturnyj priem*, Moskva.
- Zinovij Zinik – «Gefter»: *interv'û. Čerespolosica slov i čuvstv? Diskussiâ redakcii Gefter. ru s pisatelem Zinoviem Zinikom o ego novoj knige «Âsik Orgona»*, 2017, Gefter.ru, 10.05.2017, <http://gefter.ru/archive/22123> (3.05.2021).
- Kant I., 1994, *Kritika sposobnosti suždeniâ, per. M.I. Levinoj*, [v:] I. Kant, *Sobranie sočinenij: v 8 tomah*, t. 5, Moskva. Citiruem po: E. Soškin, *Priemy ostraneniâ: opyt unifikacii*, NLO 2012, № 2, <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/priemy-ostraneniya-opyt-unifikacii.html> (12.03.2021).
- Karpenko I.E., 2014, *Ostranenie i odstranenie kak priëmy hudožestvennoj literatury voobše i ornamental'noj prozy v častnosti*, «Oktâbr'», № 10, [v:] *Kul'tura i obrazovanie*, <http://vestnik-rzi.ru/2014/10/2479> (29.03.2021).
- Lenin – Frankenštejn: Prišel'cy podmenili Voždâ i sozdali «bluždaûšij duh»*, [v:] *Novyj «vzglâd» na vremâ, VladTajm novosti*, Vladtime.ru novosti, 19.09.2019, <https://vladtime.ru/nauka/sverhestestvennoe/732615> (15.06.2021).
- Ostranenie*, http://dic.academic.ru/dis.nsf/enc_literature/3525/Ostranene (17.04.2021).
- Peškova M., 2008, *Transkript predači «Dalekie-blizkie londoncy»: radio «Èho Moskvy» Interv'û s Zinoviem Zinikom*, 18.05.2008, http://www.litkarta.ru/dossier/zinik-peshkova-interview/dossier_1699/ (11.05.2021).
- Pomerancev I., 2019, «...Potomu što â – vrun». *Poverh bar'erov s Igorem Pomerancevym, Interv'û*, 20.12.2019, <https://www.svoboda.org/a/30334293.html> (1.04.2021).
- S nadeždoj na vstreču. God nazad umerla Elena Šumilova. Vspominaet Zinovij Zinik*, 2019, COLTA, 1.10.2019, <https://www.colta.ru/articles/literature/22550-god-nazad-umerla-elena-shumilova-vspominaet-zinoviy-zinik> (11.05.2021).
- Šklovskij V., 1983, *Iskusstvo kak priem*, [v:] V. Šklovskij, *O teorii prozy*, Moskva.